

Н. Субботин

**О сущности и значении
раскола в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Н11

Н11 **Н. Субботин**
О сущности и значении раскола в России / Н. Субботин – М.: Книга по Требо-
ванию, 2017. – 47 с.

ISBN 978-5-518-07073-8

ISBN 978-5-518-07073-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ческому духовенству была предоставлена законнымъ порядкомъ полная свобода открытаго совершенія ихъ религіозныхъ дѣйствій, всего этого никакъ не можетъ допустить православная церковь по своимъ догматическимъ и каноническимъ началамъ и по требованію лежащаго на ней долга ограждать православіе отъ прираженій раскола пресѣченіемъ для послѣдняго способовъ удобнаго дѣйствованія на православный народъ, заботиться о возстановленіи и сохраненіи въ русскомъ народѣ исконнаго единства вѣры, служащаго залогомъ свободнаго и искренняго единенія его не только подъ кровомъ единой православной церкви, но и подъ скипетромъ единаго православнаго русскаго царя.

Нѣтъ надобности подробно раскрывать здѣсь всё эти основанія, почему церковь должна именно такъ отнестись къ вопросу о дарованіи полныхъ религіозныхъ правъ расколу; предполагается разсмотрѣть собственно то, не должна ли дать положительное рѣшеніе этого вопроса государственная, гражданская власть, исходя изъ своихъ началъ и соображеній, независимо отъ началъ и интересовъ собственно церковныхъ.

Но прежде всего православный русскій человѣкъ не можетъ признать правильною самую постановку вопроса въ такомъ видѣ. Будучи живымъ членомъ православной русской церкви и русскаго государства, сознавая, что только изъ точнаго исполненія взаимно соединенныхъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи къ той и другому слагается его цѣльная духовная личность, онъ не можетъ представить, чтобы рѣшеніе вопросовъ даже чисто государственныхъ и гражданскихъ могло происходить въ совершенной независимости, въ полномъ разобщеніи отъ началъ и интересовъ церкви, съ которыми интересы общества и государства имѣютъ неразрывную связь, какъ не можетъ представить, чтобы самъ онъ въ своей дѣятельности могъ постоянно подвергать себя насильственному раздвоенію, при отправленіи своихъ общественныхъ, гражданскихъ и государственныхъ обязанностей, дѣйствовать совер-

шенно отрѣшившись отъ своихъ обязанностей сына православной церкви, заглушать и подавлять свои православно-христіанскія чувства и желанія, и наоборотъ, въ качествѣ церковнаго дѣятеля забывать о своихъ общественныхъ и гражданскихъ обязанностяхъ. Если же вѣтъ всякаго вліянія христіанскихъ началъ и идей, истинной хранительницей и истолковательницей которыхъ служатъ православная церковь, невозможно вполнѣ правильное законодательное рѣшеніе даже вопросовъ, имѣющихъ повидимому исключительно гражданскій, или государственный характеръ, то возможно ли оно въ вопросѣ, ближайшимъ образомъ касающемся церкви, имѣющемъ по преимуществу церковный характеръ, каковъ именно вопросъ о признаніи за лицами расколнческаго духовенства или себѣ присвоенныхъ духовныхъ сановъ, или о признаніи за расколомъ всѣхъ правъ дозволенной религіи? И если православная церковь на основаніи своихъ догматическихъ и каноническихъ началъ не можетъ дать положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, то можетъ ли, въ явную противность ей, допустить именно такое ея рѣшеніе православно-русская государственная власть?

Между тѣмъ такое именно рѣшеніе вопроса государственною властію признаютъ и гласно объявляютъ нѣкоторые вполнѣ возможнымъ и желательнымъ, даже единственно правильнымъ и законнымъ. Понятно, что такъ судятъ о дѣлѣ тѣ, къ сожалѣнію, расплодившіеся въ наше время, мнимо-интеллигентные люди, которые, называясь русскими и оффиціально числясь принадлежащими къ православной церкви относятся ко всѣмъ религіямъ равнодушно или даже враждебно, и всякую церковь, а православную даже въ особенности, признаютъ фальшивымъ и вреднымъ учрежденіемъ, а за тѣмъ, отчасти уже вслѣдствіе этого самаго, признаютъ ненормальнымъ и существующее государственное устройство. Они не могутъ и разсуждать иначе; для нихъ свобода и равноправность въ государствѣ всѣхъ религій, и христіанскихъ и не христіанскихъ, предоставление каждому исповѣдывать какую угодно вѣру,

или не исповѣдывать никакой, есть актъ высшей справедливости; приниженіе православія предъ расколомъ, даже при признаніи, что оно есть основа всей силы русскаго народа, основа цѣлости и твердости русскаго государства, для нихъ составляетъ дѣло полезное и желательное. Но примѣчательно, что къ такому же рѣшенію вопроса склоняются люди, которыхъ преданность престолу и отечеству выше всякаго сомнѣнія; которые повидимому съ уваженіемъ относятся къ православной церкви и чужды желанія противодѣйствовать ея успѣхамъ и преспѣванію. Имѣя въ виду, что закономъ, силу и дѣйствительность котораго не отвергаетъ сама православная церковь, всѣмъ живущимъ въ Россіи и состоящимъ въ русскомъ подданствѣ иновѣрцамъ, даже не христіанамъ, предоставлено право свободнаго исповѣданія ихъ религій и свободнаго отправленія ихъ религіозныхъ дѣйствій, они считаютъ нарушеніемъ справедливости изъятіе изъ этого закона многихъ (будто бы) милліоновъ русскихъ людей, также иновѣрцевъ, называемыхъ старообрядцами, и полагаютъ, что именно по требованію справедливости должно предоставить старообрядцамъ такую же религіозную свободу, какою пользуются всѣ иновѣрцы, духовенству ихъ дать такія же права на отправленіе всѣхъ принадлежащихъ ему дѣйствій, какими пользуется духовенство прочихъ инославныхъ исповѣданій, и на одинаковомъ съ этимъ послѣднимъ положеніи поставить его, равно какъ и все старообрядчество, подъ управленіе свѣтской власти, внѣ всякаго здѣсь участія власти православно-церковной, которая поэтому же не должна и вообще принимать участія въ рѣшеніи вопросовъ о расколѣ.

Итакъ, если не единственнымъ, то главнымъ основаніемъ рѣшить дѣло въ указанномъ сейчасъ смыслѣ для людей уважающихъ законъ, желающихъ блага государству и повидимому не желающихъ вреда православной церкви, служить существующее фактически, огражденное закономъ положеніе въ Россіи иновѣрцевъ и ихъ духовенства, въ число которыхъ слѣдуетъ будто бы включить, какъ иновѣрцевъ же,

и русских раскольниковъ, считаемихъ едва не десятками миллионѣвъ.

Оставляемъ замѣчанія, какія можно бы сдѣлать противъ существующаго положенія въ Россіи иновѣрныхъ религій въ ихъ отношеніи къ господствующей церкви, положенія слагавшагося и сложившагося подъ разными, чуждыми духу русскаго народа вліяніями, при пассивномъ только участіи, или внѣ всякаго участія ближайшимъ образомъ заинтересованной здѣсь православной Русской церкви. Признаемъ, какъ и слѣдуетъ, полную силу существующаго закона о религіозномъ положеніи иновѣрцевъ въ Россіи. Вопросъ только въ томъ: нужно ли распространить его и на русскихъ раскольниковъ, называемыхъ старообрядцами? расколъ, называемый старообрядчествомъ, долженъ ли быть внесенъ въ разрядъ существующихъ въ Россіи и признанныхъ закономъ иновѣрныхъ религій?

Оставимъ также замѣчанія противъ утвердившагося въ правительственныхъ сферахъ мнѣніи о громадномъ, свыше 15-ти миллионѣвъ. количествѣ русскихъ раскольниковъ, хотя эти замѣчанія должны бы имѣть въ настоящемъ случаѣ большую важность, такъ какъ заботы правительства объ огражденіи законами религіознаго быта раскольниковъ истекаютъ именно изъ представленія громадной ихъ численности, которая одна уже составляетъ силу, требующую полного вниманія съ его стороны. Образованію и утвержденію этого ошибочнаго мнѣнія способствовали съ одной стороны показанія чиновниковъ, спеціально занимавшихся нѣкогда по порученію правительства исчисленіемъ раскольниковъ и, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, употреблявшихъ для этого невѣрные, не соответствующіе цѣли способы и приемы, съ другой—распространяемые самими раскольниками въ своемъ личномъ интересѣ толки о громадной будто бы ихъ численности, долженствующей внушить къ нимъ уваженіе. Безпристрастный же изслѣдователь, желая опредѣлить дѣйствительное количество раскольниковъ, на основаніи данныхъ несомнѣнной вѣрности, придетъ къ заключенію, что

пятнадцати-милліонная цифра ихъ должна быть сокращена если не до двухъ милліоновъ, то по крайней мѣрѣ до трехъ. Но для вопроса о томъ, должны ли быть сравнены русскіе раскольники въ религіозныхъ правахъ съ русскими подданными иновѣрныхъ исповѣданій, въ существѣ его, самая численность раскольниковъ дѣло безразличное: право и справедливость должны быть удовлетворены независимо отъ того, просятъ ли такого удовлетворенія милліоны, или сотни и десятки тысячъ людей, лишь бы только право и справедливость были дѣйствительно на ихъ сторонѣ.

Итакъ требуетъ ли право и справедливость, чтобы русскіе раскольники были сравнены въ религіозномъ отношеніи съ иновѣрцами, находящимися въ русскомъ подданствѣ? Составляютъ ли они въ этомъ отношеніи явленіе совершенно аналогическое съ сими послѣдними и могутъ ли по праву и справедливости быть включены въ число сихъ послѣднихъ?

При правильномъ воззрѣніи на расколъ, какое дается изученіемъ его характера и исторіи, какого доселѣ держалось и наше законодательство, возможенъ только отрицательный отвѣтъ: наши раскольники совсѣмъ не то въ религіозномъ отношеніи, что живущіе въ Россіи иновѣрцы, и было бы противно праву и справедливости сравнять ихъ въ этомъ отношеніи съ сими послѣдними.

Первое, главное, самое существенное различіе между живущими въ Россіи иновѣрцами и русскими раскольниками, которое необходимо всегда имѣть въ виду, заключается въ томъ, что всѣ иновѣрцы, состоя вѣрными русскими подданными, не суть однакоже по своему происхожденію и національности коренные русскіе люди, а по религіи никогда не были членами православной русской церкви, раскольники же, совершенно напротивъ, всѣ безъ исключенія люди русской крови и національности и всѣ безъ исключенія принадлежали, одни раньше, другіе позднѣе, къ русской православной церкви. Всѣ иновѣрцы, или отдѣльными личностями и семействами, или цѣлыми областями, составлявшими ихъ отечество, вошли и входятъ въ число русскихъ под-

данныхъ, въ составъ русскаго государства, имѣя свои особыя національныя качества. даже сохраняя нѣкоторыя національныя учрежденія и исповѣдуя свою особую религію, свои особыя, изъ глубокой древности идущія отличія въ исповѣданіи вѣры, на сохраненіе которыхъ могутъ предъавлять такое же право, какъ на сохраненіе своихъ природныхъ національныхъ особенностей. Напротивъ, все такъ называемыя старообрядцы суть коренные, исконные русскіе люди, исконные члены русскаго народа и государства, не вошли въ нихъ извнѣ и не принесли извнѣ же никакой особой религіи, напротивъ все исповѣдывали одну и ту же православную вѣру, принадлежали къ одной и той же православной русской церкви, и уже потомъ, одни самолично, другіе въ лицѣ своихъ очень недавнихъ предковъ, отступили отъ православія, отдѣлились отъ православной русской церкви, измысливъ свои, дотолѣ неслыханныя религіозныя ученія, основавъ свои, дотолѣ небывавшія церкви, которыя даже и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ отличаются самой крайней нетерпимостью. Наше законодательство всегда имѣло въ виду это существенное различіе между русскими подданными иновѣрныхъ исповѣданій и русскими людьми измѣняющими, или измѣнившими своей вѣрѣ. Предоставивъ первымъ свободное исповѣданіе ихъ религіи, законъ въ тоже время строго преслѣдуетъ и караетъ уклоненіе изъ православія въ какую либо иную религію, хотя и признанную, или дозволенную въ Россіи. И такъ какъ расколъ въ своемъ существѣ и во всей совокупности составляющихъ его сектъ есть именно уклоненіе русскаго человѣка изъ православія въ иную вѣру, то въ силу указаннаго закона точно также продолжающаго дѣйствовать, какъ и законъ о религіозной свободѣ иновѣрцевъ въ Россіи, раскольники не только не имѣютъ права на полученіе такой же, какую пользуются эти послѣдніе, религіозной свободы, но подлежатъ еще за отступленіе отъ православія законной карѣ.

И если упомянутый законъ имѣетъ силу въ приложеніи къ русскимъ, уклоняющимся изъ правосла-

вія въ христіанскія религіи даже дозволенныя въ Россіи и пользующіяся свободою исповѣданія, то тѣмъ болѣе справедливо точное его примѣненіе къ русскимъ уклонившимся и уклоняющимся изъ православія въ расколъ, по самому существу этого послѣдняго. Хотя каждая религія самымъ своимъ появленіемъ и существованіемъ заявляетъ уже, что она отрицаетъ истинность всѣхъ прочихъ и въ томъ числѣ православія; но русскій расколъ, въ своемъ происхожденіи и во всей своей исторіи, является какъ отрицаніе православія по преимуществу, какъ постоянное и дѣятельное стремленіе ниспровергнуть православную русскую церковь и на мѣсто ея поставить самого себя въ качествѣ именно православной русской церкви, какой попытки не имѣетъ и не можетъ имѣть ни одна изъ существующихъ христіанскихъ религій. Каждая изъ христіанскихъ религій въ своихъ воззрѣніяхъ на прочія, и въ частности на православіе, равно какъ въ своихъ практическихъ къ нимъ отношеніяхъ, представляетъ болѣе или менѣе значительныя изъятія изъ общаго понятія объ ихъ неистинности, допускаетъ въ большей или меньшей степени пункты общенія и единенія съ ними, почему и сама православная церковь неодинаково относится къ иновѣрнымъ христіанскимъ религіямъ, признаетъ въ нѣкоторыхъ на примѣръ законность и правильность преемственно отъ апостольскихъ временъ существующаго у нихъ священства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и благодатную силу прочихъ таинствъ. Расколъ же въ своихъ воззрѣніяхъ на всѣ христіанскія религіи, въ особенности на православіе,—и въ своихъ дѣйствительныхъ къ нимъ отношеніяхъ проповѣдуетъ и употребляетъ самую крайнюю религіозную исключительность, самую фанатическую нетерпимость, всякаго общенія съ ними гнушается, какъ оскверненія. Русскіе законы, ограждая православіе, какъ господствующее, исконное, національное вѣроисповѣданіе въ русскомъ государствѣ, преслѣдуютъ уклоненіе изъ православія въ христіанскія исповѣданія, не только не фанатически, но даже снисходительно относящіяся къ православію. Тѣмъ еще менѣе

можетъ русскій законъ помириться съ уклоненіемъ русскихъ людей въ расколъ, представляющій въ своемъ ученіи и жизни прямое отрицаніе православной русской церкви, проповѣдующій и практикующій въ своихъ къ ней отношеніяхъ самую ожесточенную вражду. Посему предоставленіе полной свободы расколу, какъ отдѣльной церкви, во всѣхъ его религіозныхъ управленіяхъ, было бы прямымъ и открытымъ принесеніемъ православія въ жертву расколу. И такъ понялъ бы это прежде всего самъ расколъ, который не замедлил бы провозгласить, что правительство признало наконецъ справедливость на его сторонѣ, а не на сторонѣ православной церкви, оправдало его въ двухвѣковой борьбѣ его противъ православія, и сталъ бы продолжать эту борьбу съ большей увѣренностью и смѣлостью.

Чтобы яснѣе убѣдиться въ справедливости изложенныхъ замѣчаній противъ предоставленія раскольникамъ, наравнѣ съ иновѣрцами, полной религіозной свободы, противъ признанія за ихъ духовенствомъ всѣхъ правъ, принадлежащихъ духовнымъ лицамъ, чтобы вообще получить твердую фактическую основу для правильнаго рѣшенія предстоящихъ вопросовъ о расколѣ, нужно прослѣдить исторію раскола хотя кратко, въ важнѣйшихъ ея моментахъ, когда характеристическія черты раскола выступали съ особенною ясностію.

Расколъ есть наше мѣстное, исключительно русское и сравнительно недавнее явленіе. Извѣстно, что онъ возникъ во второй половинѣ XVII столѣтія и поводомъ къ его возникновенію послужило соборное исправленіе славянскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, предпринятое тогдашнимъ московскимъ патріархомъ Никономъ, по согласію съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и по опредѣленію соборовъ московскихъ и константинопольскаго, нарочно собранныхъ для разсужденія объ этомъ дѣлѣ. Тщательнаго и общаго исправленія употреблявшихся тогда въ русской церкви богослужебныхъ книгъ настоятельно требовала несомнѣнная ихъ испорченность особенно въ печатныхъ изданіяхъ второй

четверти XVII столѣтія, которыя именно и находились въ церковномъ употребленіи, а между тѣмъ представляли не только въ текстѣ и составѣ молитвословій, но и въ самомъ изложеніи чиновъ и обрядовъ большое разнообразіе и несходство какъ между собою и съ древними славянскими списками, такъ особенно съ подлиннымъ греческимъ текстомъ, вслѣдствіе чего русская церковь въ чинахъ и обрядахъ стала имѣть несогласія съ церковію греческой, отъ которой первоначально получила, вмѣстѣ съ вѣрою, эти чины и обряды. Желая привести въ единообразіе отправленіе церковныхъ службъ по всѣмъ русскимъ церквамъ, особенно же возстановить и въ этомъ отношеніи первоначальное согласіе церкви русской съ матерію ея—церковію греческой, патріархъ Никонъ и предпринялъ, по предварительномъ совѣщаніи съ царемъ и соборами русскихъ и греческихъ пастырей, общее исправленіе круга славянскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, и именно по греческому, подлинному ихъ тексту. Это несомнѣнно доброе и вполне законное предпріятіе въ самомъ же началѣ, прежде нежели стало приводиться въ исполненіе, крайне враждебно встрѣчено было небольшимъ первоначально обществомъ духовныхъ лицъ, стоявшихъ близко къ кормилу церковнаго правленія при прежнемъ патріархѣ, пользовавшихся вліяніемъ въ своемъ довольно обширномъ кругу, гордыхъ своими мнимыми знаніями, а теперь, при новомъ патріархѣ, устранившихся отъ участія въ дѣлахъ церковнаго правленія, оскорбленныхъ такимъ съ его стороны пренебреженіемъ и сдѣлавшихся поэтому его врагами. Съ одной стороны подъ вліяніемъ личной и національной гордости, недопускавшей и мысли о существованіи какихъ либо неправоподобностей въ положеніи современной имъ русской церкви, особенно же въ ея чинахъ и обрядахъ, которые, по своему невѣжеству, они отождествляли съ неизмѣннымъ ученіемъ (догматами) вѣры, съ другой подъ вліяніемъ утвердившагося къ тому времени между подобными имъ русскими книжными людьми подозрѣнія, что будто бы греки, послѣ флорентій-

ской униі, особенно послѣ порабощенія востока турками, утратили чистоту православія, исказили древле-церковныя чины и обряды, и ко всему этому еще подъ вліяніемъ личныхъ неудовольствій противъ Никона, это общество въ намѣреніи патріарха привести русскія церковно-богослужебныя книги и чины въ согласіе съ греческими усмотрѣло ни что иное, какъ посягательство на чистоту вѣры. Когда приступлено было къ осуществленію предпріятія, когда исправленіе коснулось извѣстныхъ обрядовъ, къ тому времени распространившихся между русскими грамотниками (но отнюдь не во всемъ народѣ и не повсюду, какъ увѣряютъ нѣкоторые),—двуперстнаго сложенія руки для крестнаго знаменія, сугубаго аллилуіа, имени Іесусъ, печати на просфорахъ, и проч., тогда это общество стало проповѣдывать, что нарушеніе вѣры въ русской церкви совершилось, что она измѣнила древнему православію, что поэтому имѣть общеніе съ нею и повиноваться ея чиновначалію болѣе не слѣдуетъ, что только они сами, люди этого общества и ихъ единомышленники, составляютъ теперь единую во всемъ мірѣ древле-православную церковь. Въ теченіе десяти съ небольшимъ лѣтъ, когда происходило исправленіе богослужебныхъ книгъ, ихъ проповѣдь, подъ вліяніемъ многихъ благопріятствовавшихъ ей условій, имѣла весьма значительный успѣхъ и въ Москвѣ и въ разныхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ открывался имъ случай проповѣдывать; людей, не захотѣвшихъ принять новоисправленныя книги и чины, признавшихъ церковь за ихъ исправленіе еретическою, отколовшихся отъ нея, прекратившихъ общеніе съ нею въ богослуженіи и таинствахъ, явилось такъ много, свои хульные мнѣнія о церкви они выражали съ такою дерзостію, что церковное и гражданское правительства, доселѣ употреблявшія для ихъ обузданія только частныя мѣры, признали необходимымъ издать противъ нихъ общее законодательное постановленіе. Въ 1666 и 1667 г.г. составлены были соборы, одинъ изъ русскаго духовенства, другой подъ предсѣдательствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ изъ духовенства гре-